

УДК 130.1

DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-28-38

ОТ АНТИУТОПИЙ К МЕМАМ: СРАВНЕНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Иванов Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, доцент. Липецкий государственный технический университет. 398055, Российская Федерация, г. Липецк, ул. Московская, д. 30; e-mail: agivanov2@yandex.ru

Актуальность осмысления новых форм выражения реакции на происходящие в обществе события и процессы и их сравнение с уже зарекомендовавшими себя формами обусловили обращение, соответственно, к антиутопиям и мемам. В статье обозначаются определения понятий «антиутопия» и «мем» и приводятся примеры усиливающейся связи утопического и мем-культуры, обнаруживающейся в недавних публикациях и проектах. Далее осуществляется последовательное сравнение выделенных понятий в рамках системы основных разделов философского знания (онтология, гносеология, аксиология, праксиология) и по следующим критериям, соответственно – по различиям в масштабе, в глубине и в способности предсказывать будущее. Автор приходит к выводам, что антиутопии и мемы объединяет аксиологическая направленность и стремление выразить альтернативное отношение к реальности. По другим линиям сравнения имеются фундаментальные отличия, обнаружить которые удалось через обращение к идее разномасштабности Э. Ригни и К. де Чезаре, интуициям Р. Барта, прогнозам Дж. Урри, наследию К. Леви-Строса, а также посредством демонстрации примеров с мемами последнего времени. Отмечается, что антиутопия представляет собой произведение крупного масштаба, а мем является просто репликой на ситуацию или указанием на заготовленную для наблюдателя историю. В случае с мемами отсутствует характерное для утопий и антиутопий морализаторское начало, но есть развлекательная составляющая, способствующая привлечению внимания к новым социокультурным феноменам. Отмеченные различия между негативными утопиями и комплексами мемов – в способности предсказывать будущее, в масштабе и глубине – объясняются тем, что мем-культура есть продукт современной цифровой эпохи со свойственным ей ускорением времени, не позволяющим что-либо детально анализировать. Мемы пока остаются лишь ярким дополнением при изучении отдельных культурных течений, упрощенной формой реакции на происходящие в мире процессы.

Ключевые слова: антиутопия, мем, масштаб, реплика, символ, прогноз, аксиологическая направленность, альтернативное отношение

Цитирование: Иванов А.Г. От антиутопий к мемам: сравнения и предварительные заключения // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 1. С. 28-38. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-28-38

FROM DYSTOPIAS TO MEMES: COMPARISONS AND PRELIMINARY CONCLUSIONS

Andrey G. Ivanov – PhD DSc in Philosophy, associate professor. Lipetsk State Technical University. 30 Moskovskaya St., Lipetsk, 398055, Russian Federation;
e-mail: agivanov2@yandex.ru

The relevance of understanding new forms of expression of reaction to events and processes taking place in society and their comparison with already proven forms have encouraged the focus, respectively, on dystopias and memes. The article defines the concepts of "dystopia" and "meme" and provides examples of the growing connection between utopian and meme culture, which is found in recent publications and projects. Further, the study suggests a consistent comparison between the selected concepts within the framework of the main sections of philosophical knowledge (ontology, gnoseology, axiology and praxiology) and by the following criteria – by differences in scale, depth and ability to predict the future. The author comes to the conclusion that dystopias and memes are united by an axiological orientation and the desire to express an alternative attitude to reality. On other lines of comparison, there are fundamental differences, discovered through the appeal to A. Rigney and C. De Cesari's idea of multiscalarity, R. Barthes' intuitions, J. Urry's forecasts, C. Lévi-Strauss' legacy, as well as through the demonstration of examples with recent memes. It is noted that a dystopia is a work of large scale, and a meme is just a replica of a situation or an indication of a story prepared for the observer. In the case of memes, there is no moralizing characteristic of utopias and dystopias, but there is an entertainment component that helps attract attention to new socio-cultural phenomena. The marked differences between negative utopias and meme complexes – in the ability to predict the future, in scale and depth – are explained by the fact that meme culture is a product of the modern digital era with its characteristic acceleration of time, which does not allow anything to be analyzed in detail. Memes are still only a bright addition to the study of particular cultural trends, a simplified form of reaction to the processes taking place in the world.

Keywords: dystopia, meme, scale, replica, symbol, forecast, axiological orientation, alternative attitude

For References: Ivanov, Andrey. 2022. From dystopias to memes: comparisons and preliminary conclusions, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 5 (1): 28-38. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-28-38 (In Russian).

Как известно, термин «мем» был впервые использован Р. Докинзом в 1976 году в работе «Эгоистичный ген» [Докинз, 2020], в которой автор, продолжая традицию переноса естественнонаучных терминов в социогуманитарную сферу, попытался рассмотреть мем как базовую единицу культурной информации. Следует отметить, что еще в середине XX в. К. Леви-Строс, анализируя мифы, высказывал предположения о необходимости поиска структурных единиц мифа – мифем – на уровне фраз [Леви-Строс, 2001, с. 219]. Но, на наш взгляд, если далее проводить аналогии между исследованиями мифов и меметикой, то более точно отражающим суть феноменов представляется сопоставление мемов с мифологемами. Это объясняется тем, что все-таки за мемом стоит некий комплекс данных, и назвать мем просто какой-то среднестатистической единицей информации все же не верно. Так же и с мифологемами: это и мифологический мотив, и мифологическая идея.

С развитием информационно-коммуникационных технологий исследования мемов вновь стали актуальными, хотя еще в 2005 году, особенно после закрытия тематического журнала («Journal of Memetics — Evolutionary Models of Information Transmission»), казалось, интерес к изучению мемов угас. И вот теперь определения понятия мем даются с оглядкой на Интернет-культуру. В разделе «Что такое интернет-мем» книги С.В. Тихоновой и Д.С. Артамонова «Историческая память в социальных медиа» предлагается следующая дефиниция: «Мем – это инструмент сетевой коммуникации, передающий информацию в виде текста и/или графического изображения, содержащую в себе историю об объекте, который она представляет, несущую определенный смысл и имеющую значение для субъекта, который использует ее в качестве эмоционально окрашенного сообщения» [Тихонова, Артамонов, 2021, с. 95].

Не меньше ясности и с определением антиутопии: прежде всего, имеется в виду различие между антиутопией и дистопией. Поэтому также важно разобраться и с тем, из какого понятия антиутопии мы будем исходить. Дело в том, что сегодня имеются разные интерпретации понятия негативной утопии, к которым относятся, прежде всего, антиутопия и дистопия (хотя в англоязычной литературе зачастую эти варианты негативных утопий рассматриваются как синонимы). Так, Л. Сарджент считал, что антиутопия есть описание несуществующего общества, представляющее собой критику утопизма в целом [Sargent, 2016]. По мнению отечественного исследователя Т.С. Паниотовой, специально сравнивавшей трактовки негативных утопий, в том числе и в испаноязычной литературе, в частности, дистопия имеет иную модальность: дистопия «...целенаправленно создает образ общества еще худшего, чем настоящее. Предполагается, что это худшее может стать реальностью как раз именно в том случае, если человечество откажется от перемен и сохранит статус-кво» [Паниотова, 2021, с. 24]. Нам представляется возможным объединение обозначенных выше

понятий, то есть следует рассматривать антиутопию как включающую в себя и дистопию.

Сам термин «антиутопия», появившись в начале XX в. для обозначения нового литературного жанра, за последние сто лет претерпел значительную трансформацию. Тот факт, что антиутопия в процессе своего развития как жанра воспринимала основные формы и механизмы утопии, такие, например, как плакатная ясность и доходчивость основной идеи, открывает определенное пространство в контексте изучения связи с мемами.

Еще одним предположением, из которого мы будем исходить, является то, что антиутопия является своеобразной реакцией на происходящие, зачастую травмирующие, социальные процессы. Философ истории Й. Рюзен среди стратегий детравматизации, позволяющих поместить травмирующие события в исторический контекст, выделяет эстетизацию как то, что предоставляет травмирующий опыт чувствам. Этот опыт «...помещается в схемы восприятия, которые делают мир понятным и упорядоченным» [Рюзен, 2005, с. 58]. Мем также оказывается во многом эстетическим феноменом и в известном смысле помещает общественные пароксизмы в рамки калейдоскопа картинок, слоганов, лозунгов и т.п.

И антиутопии, и мемы как выражения недовольства, как реакции на существующее положение дел обладают аксиологической нагруженностью. Это обстоятельство также было отмечено современными исследователями мем-культуры в Интернете, указывающими на механизм трансляции интернет-мемов и характеризующими его как «...связанный с когнитивными, семантическими, эмоциональными и аксиологическими потребностями интернет-пользователей...» [Тихонова, Артамонов, 2021, с. 95].

В настоящее время связи утопического и мем-культуры все более усиливаются. Ярким подтверждением этого обстоятельства стал ряд недавних публикаций в нашей стране.

Летом 2021 года вышло издание «Россия 2050: Утопии и прогнозы» [Россия 2050: Утопии и прогнозы, 2021], результат амбициозного проекта о будущем России через 30 лет, книга в формате А4, наполненная разнообразными комиксами, фотографиями, фрагментами диалогов и включающая даже инструкцию по «навигации по книге». Она выглядит как своего рода легитимация и даже апология меминга (интересно, что существует предельно широкое определение меминга как процесса «...творческого переосмысления действительности, определенных событий и ситуаций» [Тихонова, Артамонов, 2021, с. 100]).

Выход в октябре того же 2021 года сборника «Все в прошлом: Теория и практика публичной истории» [Все в прошлом: Теория и практика публичной истории, 2021] в котором каждая статья предварялась иллюстрациями студии FOX&OWL и воспринималась, конечно, как мем, подтверждает наше предположение. Особенно здесь стоит выделить открывающее статью М. Галиной и И. Кукулина «Альтернативная история» [там же, с. 154–183] изоб-

ражение мавзолея с надписью «Николай II». И в этом – в альтернативном взгляде на события – усматривается еще одна (наряду с аксиологической направленностью) объединяющая линия между антиутопией и мемами. Интересно, что и этот сборник снабжен некой инструкцией, в которой, например, объясняются тематические принципы построения структуры книги, разделы, которые «...игриво <...> указывают на существование разных способов взаимодействия с ним [прошлым – А.И.]» [там же, с. 13].

Определив, что антиутопии и мемы объединяет аксиологическая направленность и стремление выразить альтернативное отношение к реальности, перейдем к указаниям на существующие между феноменами фундаментальные отличия.

Ключевым нам представляются, прежде всего, различия в масштабах. Так, в *memory studies* получила распространение идея разномасштабности, сформулированная Э. Ригни и К. де Чезаре [De Cesari, Rigney, 2014], основанная на признании того, что память производится и циркулирует внутри социальных рамок разного масштаба (индивид, семья, город, регион, нация, мир), каждая из которых в равной степени важна для производства памяти. Но если у исследователей памяти такая оптика работает (кстати, с идеей разномасштабности коррелируют и представления о том, что для «работающего» мифа важна мифология героя, обнаруживающаяся на разных уровнях – от семьи и городского сообщества до нации и государства [Иванов, 2019]), то этого не скажешь при сопоставлении антиутопий и мемов. Если мы исходим из того, что антиутопия представляет собой произведение крупного масштаба, а мем является модной сегодня репликой на ситуацию, концепция разномасштабности не работает: в мемах сложно, а зачастую практически невозможно увидеть глубину.

Далее рассмотрим другие линии сравнения антиутопий и мемов (онтологическую, гносеологическую и праксиологическую), оставаясь в границах их философского осмысления.

Онтологическая природа утопических и антиутопических произведений лучше, конечно, выражается в крупных текстах, метанарративах, в которых дается широкая панорама описываемых событий и судеб. Что касается мемов, то применительно к ним вполне допустимо использовать взятые из словаря Р. Барта [Барт, 2004] термины, такие как «деформация», «отклонение», «похищение»; и мемы так же легко могли бы стать риторическими фигурами, в которых составляются самые разные формы мифического означающего. Мем – скорее результат того, когда кто-то поддавливает какие-то курьезы и насмехается над этим. В качестве примера можно привести высказывание министра иностранных дел Великобритании Э. Трасс о суверенитете России над Воронежской и Ростовской областями: «Британия никогда не признает суверенитета России над этими регионами». Этот казус мгновенно вызвал массу комментариев в Интернете, спровоцировал появление сотен мемов. Таких, например, как: «Помощь россиянам в оформлении виз в Ростов и Воронеж! »; «Ростов и Воронеж вторг-

лись в Россию»; «Воронеж открывает посольство в Великобритании» [Как Россия..., 2022, web].

Также следует отметить, что антиутопия принадлежит художественной сфере и является самостоятельным жанром, тогда как мемы демонстрируют свою всеядность, преимущественно распространяясь в Интернете, и им присуща юмористическая направленность.

Еще одним важным маркером, не позволяющим рассматривать антиутопии и мемы как однопорядковые явления, оказывается гносеологическое измерение. Дело в том, что для понимания антиутопических произведений критически важным является наличие у читателя культурного багажа, символического бэкграунда, что позволяет ему улавливать прямые связи или аллюзии, содержащиеся в соответствующем произведении. Здесь мы имеем дело с метафорическим доступом к реальности, так восхваляемым Г. Харманом [Harman, 2018]. Для того же, чтобы понимать мемы и инспирируемый ими «хайп» и насмешки, достаточно просто находиться в одном устойчивом интерсубъективном пространстве. Ярким примером тут является такой домен знания как история (кстати, как тут не вспомнить идею российских властей создать единый учебник истории): «Вся “школьная” история, так или иначе, подвергается метематизации пользователями социальных сетей» [Тихонова, Артамонов, 2021, с. 101].

Также и с символом, рассматриваемым нами в качестве средства передачи смысла посланий. Мем скорее не символизирует нечто глубинное, а является просто указанием на заготовленную для наблюдателя историю. Можно ли считать мем разновидностью символического, есть ли он концентрированное выражение сложного комплекса? Ответ скорее отрицательный.

В работе «Camera lucida. Комментарий к фотографии» [Барт, 2016] Р. Барт, разбирая фотографию, выделяет «studium» и «punctum», что дает возможность размышлять о многих философских проблемах, таких как соотношение индивидуального и коллективного; случайного и закономерного; субъекта, объекта и контекста. А чего ожидать от реплики, каковой, по большому счету, и является мем? Ведь мем возникает не сам по себе, а как проекция на окружающую действительность. В определенном смысле мем всегда паразитирует на реальности.

Пример иронического мема, обыгрывающего политическую новость, приводит, на наш взгляд, И. Курилла, цитируя журнал «The Economist»: «Тот, кто пишет название столицы Галиции как Lwów, – польский националист, а тот, кто пишет его как Львів, – украинский фашист... <...> Тот, кто называет его Львовом, – советский массовый убийца, а тот, кто предпочитает Lemberg, – нацист. Давайте обсудим это в Леопольсе» [Курилла, 2022, с. 107–108]. В этом примере можно усмотреть указания и на политические предпочтения, и даже на знание истории, но никак не на выход на уровень символического как выражения целой системы идей. То есть в мемах не будет объяснений, например, связанных с про-

исхождением названия или с судьбой символического пространства города, хотя указание на сети символов и разнообразных значений будут присутствовать.

Отсутствие предсказательной функции и, тем более, призывов каким-то образом изменить будущее, оказывается главной праксиологической характеристикой мема и еще одним коренным отличием от негативных утопий.

Действительно, работа с будущим выгодно отличает любые в широком смысле слова утопические проекты. В одной из последних своих работ британский социолог Дж. Урри среди методов формирования будущего выделил прогнозирование антиутопий, предполагающее вполне практическое значение: состоящее «...в разработке антиутопических образов, задача которых – служить предостережением для живущих в настоящем» [Урри, 2019, с. 139]. Им было предложено сразу несколько вариантов убедительных антиутопий: общего краха общества; мира существенно возросшего контроля; общества, где жизнь людей атомизирована; общества, зарегулированного правилами и законами, что ведет к утрате богатства; захвата власти на земле рукотворными киборгами на фоне постапокалиптических пейзажей прошедшего в упадок города; резкого опустошения Земли [там же, с. 139–143]. В итоге Дж. Урри приходит к следующему заключению: «Многие антиутопии представляют собой концепции будущего, которого стоит избегать. Они могут служить пугающим предостережением ныне живущим о необходимости изменить направление развития человечества, отказавшись от привычного образа жизни и выбрав иной путь» [там же, с. 143–144].

Однако в случае с мемами мы не только не увидим стремления выйти за рамки текущей ситуации – в них не будет никакого морализаторского начала. Мемы как бы по инерции обыгрывают реальность здесь и сейчас, отыгрывают складывающуюся обстановку дел, привлекая внимание скорее своей развлекательной составляющей. Но при этом надо отдать должное тому, что мемы дают возможность изучать другие измерения культуры: коммерциализацию массовой культуры, анекдоты (комедийная миниатюра, которая, так же как и мем, и утопические проекты выражает специфическое отношение к окружающей действительности), карикатуры и т.п.

Еще одним важным праксиологическим критерием для сравнения выступают каналы распространения. В случае с традицией трансляции утопических и антиутопических произведений основными каналами выступают институты образования и частично поп-культура. Так, «Animals», известный альбом британской рок-группы «Pink Floyd», тексты песен которого основаны на сатирической повести-притчи с элементами антиутопии Дж. Оруэлла «Скотный двор» [Оруэлл, 2021], безусловно, привлекли в свое время внимание публики в том числе и к жанру антиутопии в целом. Но когда мы имеем дело с мемами, то скорость их тиражирования и передачи ими соответствующей информации оказывается

крайне высокой. И это приводит к предположениям о вирусном характере их распространения и возвращает нас к изначально приписываемой данным феноменам аналогии ген-мем. Вирусная природа распространения – это, конечно, хорошо, но к чему она может привести, если за мемами не будет стоять значимая культурная информация?

Таким образом, объединяет антиутопии и мемы аксиологическая направленность, и, прежде всего, своеобразная реакция на злободневные проблемы. Кроме того, все они продуцируют альтернативные версии событий, выражая при этом настроение своего времени.

В остальном же имеются существенные отличия, которые мы попытались обозначить, воспользовавшись для навигации разделами философского знания: различия в масштабе, в глубине, в способности предсказывать будущее. В целом эти отличия можно как-то объяснить тем обстоятельством, что мем (прежде всего, интернет-мем) есть продукт современной культуры, культуры цифровой эпохи, в которой фактор ускорения времени просто не дает возможностей детально анализировать какие бы то ни было феномены – эстетические, политические и др. По всей видимости, мемы пока остаются лишь ярким дополнением при изучении отдельных культурных течений, упрощенной формой реакции на социокультурные процессы.

P.S.

Предварительные заключения о природе мемов в дальнейшем, возможно, заставят нас пересмотреть их уподобление мифологемам и вернуться к сопоставлению с мифами. Пока же, возвращаясь к определению, стоит уточнить, какой единицей культурной информации является мем. При ответе на этот вопрос воспользуемся аналогией, для чего еще раз обратимся к классику антропологии К. Леви-Стросу. В одном из своих интервью, размышляя о связи музыки и мифов, он обратил внимание на возникновение в Новое время крупных музыкальных форм, пришедших на смену структурам мифологического мышления: «Эти формы мышления, отошедшие в прошлое на уровне выражения реальности, но сохранившиеся на бессознательном уровне, ищут себе новое применение. Но теперь они оперируют не смыслами, а звуками» [Леви-Строс, Эрибон, 2018, с. 270]. И далее: «Еще до того, как стать музыкальными формами, “фуги” и “сонаты” существовали в мифах» [там же, с. 271]. На наш взгляд, масштаб мемов, обращаясь к языку музыки, таков, что мемы соответствуют даже не трекам, а ...рингтонам.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Барт, 2004 – *Барт Р.* Мифологии / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2004. 320 с.

Барт, 2016 – *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии / пер. с фр. М. Рыклин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 192 с.

Все в прошлом: Теория и практика публичной истории, 2021 – Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. 448 с.

Докинз, 2020 – *Докинз Р.* Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М.: АСТ, 2020. 512 с.

Иванов, 2019 – *Иванов А. Г.* Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 80–88.

Как Россия ..., 2022, web – Как Россия вторглась в Воронеж: урок географии от западных политиков // РИА Новости. 08:0 12.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220212/kazusy-1772348568.html> (дата обращения: 12.02.2022).

Курилла, 2022 – *Курилла И.* Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.

Леви-Строс, 2001 – *Леви-Строс К.* Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Леви-Строс, Эрибон, 2018 – *Леви-Строс К., Эрибон Д.* Издалека и вблизи / пер. с фр. И. Панферовой. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2018. 288 с.

Оруэлл, 2021 – *Оруэлл Дж.* Скотный двор / пер. с англ. Л. Беспаловой. М.: Эксмо, 2021. 160 с.

Паниотова, 2021 – *Паниотова Т. С.* Утопия и антиутопия: «Неудобное соседство»? // Утопические проекты в истории культуры: материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» / отв. ред. Т.С. Паниотова. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. С. 22–28.

Россия 2050: Утопии и прогнозы, 2021 – Россия 2050: Утопии и прогнозы. М.: Новое издательство, 2021. 600 с.

Рюзен, 2005 – *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность / пер. с нем. А.В. Антошенко // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38–62.

Тихонова, Артамонов, 2021 – *Тихонова С. В., Артамонов Д. С.* Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.

Урри, 2019 – *Урри Дж.* Как выглядит будущее? / пер. с англ. А. Матвеев. М.: Дело, 2019. 320 с.

De Cesari, Rigney, 2014 – *De Cesari C., Rigney A.* Introduction // Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales, 2014 – Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales / ed. by C. De Cesari and A. Rigney. Berlin: Walter de Gruyter, 2014. P. 1–25.

Harman, 2018 – *Harman G.* Art and Objects. Oxford, UK: Polity Press, 2018. 240 p.

Sargent, 2016 – Sargent L. T. Utopian Literature in English: An Annotated Bibliography from 1516 to the Present. University Park, PA: Penn State Libraries Open Publishing, 2016 and continuing. doi:10.18113/P8WC77.

References

Barthes, R. Camera lucida. Kommentarii k fotografii [Camera Lucida. Commentary on the Photo]. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. (In Russian).

Barthes, R. Mifologii [Mythologies]. Moscow: Sabashnikovs Publ., 2004. (In Russian).

Dawkins, R. The Selfish Gene / transl. from Engl. Moscow: AST Publ., 2020. (In Russian).

De Cesari, C., Rigney, A. "Introduction", in: C. De Cesari, A. Rigney (eds.), *Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales, 2014 – Transnational Memory. Circulation, Articulation, Scales*. Berlin: Walter de Gruyter, 2014, pp. 1–25.

Harman, G. Art and Objects. Oxford, UK: Polity Press, 2018.

Ivanov, A.G. "Mifologema geroya v structure sotsialnogo mifa" [The hero mifologem in the structure of a social myth], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2019, no. 441, pp. 80–88. (In Russian).

"Kak Rossiya vtorglas v Voronezh: urok geografii ot zapadnykh politikov" [How Russia invaded Voronezh: a geography lesson from Western politicians], *RIA Novosti*, February 12, 2022. Available at: <https://ria.ru/20220212/kazusy-1772348568.html> (accessed on February 12, 2022). (In Russian).

Kurilla, I. Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu [The Battle for the Past. How Politics Changes History]. Moscow: Alpina Publisher, 2022. (In Russian).

Lévi-Strauss, C. Anthropologie structurale deux (Engl.: Structural Anthropology) / transl. from French. Moscow: EKSMO-Press, 2011. (In Russian).

Lévi-Strauss, C., Eribon, D. De près et de loin [From Far and Wide] / transl. from French. Saint Petersburg: Ivan Limbach Publ., 2018. (In Russian).

Orwell, G. Animal Farm / transl. from Engl. Moscow: Eksmo Publ., 2021. (In Russian).

Paniotova, T.S. "Utopiya i antiutopiya: 'Neudobnoe sosedsstvo'?" [Utopia and dystopia: "Uncomfortable proximity"?], in: T.S. Paniotova (ed.), *Utopicheskie proekty v istorii kultury: materialy III Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoy konferentsii "Utopicheskie proekty v istorii kultury": "(Ne)vozmozhnye miry: nastoyashchee i budushchee v zerkale antiutopii"* [Utopian projects in the history of culture: Proceedings of the 3 rd National academic conference "Utopian projects in the history of culture" themed "(Im)possible worlds: the present and the future in the mirror of dystopia"]. Rostov-on-Don, Taganrog: Southern Federal Univ. Publ., 2021, pp. 22–28. (In Russian).

Rossiia 2020: Utopii i prognozy [Russia 2050: Utopias and Forecasts]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2021. (In Russian).

Rusen, J. "Krizis, travma i identichnost" [Crisis, trauma and identity], in: L.P. Repina (ed.), *"Tsep vremen": problem istoricheskogo soznaniya* [The Chain of Times: Problems of Historical Consciousness]. Moscow: IVI RAS Publ., 2005, pp. 38–62. (In Russian).

Sargent, L.T. Utopian Literature in English: An Annotated Bibliography from 1516 to the Present. University Park, PA: Penn State Libraries Open Publishing, 2016 and continuing. doi:10.18113/P8WC77.

Tikhonova, S.V., Artamonov, D.S. Istoricheskaya pamyat v sotsialnykh media [Historical Memory in Social Media]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 2021. (In Russian).

Urry, J. Kak vyglyadit budushchee? [What Is the Future?]. Moscow: Delo Publ., 2019. (In Russian).

Zavadskii, A., Dubina, V. (eds.), Vse v proshlom: Teoriya i praktika publichnoy istorii [Everything Is in the Past: Theory and Practice of Public History]. Moscow: Novoe Izdatelstvo Publ., 2021. (In Russian).

Поступила в редакцию: 08.03.2022